

Андрей Белянин

Опергруппа в деревне

Царь Горох, посылая сыскаго воеводу Никиту
Ивашова на отдых в деревню, как в воду глядел —
дел там оказалось, хоть каждый день заводи!

Тайный сыск царя Гороха

Андрей Белянин

Опергруппа в деревне

«Автор»

2006

Белянин А. О.

Опергруппа в деревне / А. О. Белянин — «Автор»,
2006 — (Тайный сыск царя Гороха)

Летом надо отдыхать. Причём всем, даже милиции. Вот и царь Горох, отправивший всю нашу опергруппу на отдых в деревню, искренне надеялся, что там мы будем загорать, купаться, пить парное молоко и дышать свежим воздухом... Но, как говаривал незабвенный Шерлок Холмс, «все самые страшные преступления совершаются именно в тихих и отдалённых местечках»...И вот уже лежит на столе отравленная Кощеем соль!

Уже мечутся в реках русалки, пытаюсь предотвратить грядущее зло! Исчезают люди, плетутся интриги, и таинственный человек в чёрном нажимает курок, целясь в милицейскую кокарду!Да уж, вот такой милый отдых в русской деревне... Меня дважды хоронят, а ведь я ещё даже не успел жениться! Непорядок, граждане...

© Белянин А. О., 2006

© Автор, 2006

Андрей Белянин

Опергруппа в деревне

Лето, тепло, даже жарко... Монотонное покачивание телеги убаюкивает. Китель расстёгнут, голова мокрая, фуражка сбита на затылок. Митька вполголоса орёт залихватские разбойничьи песни о неразделённой любви боярской дочери и какого-то жигана. Вполголоса потому, что бабку разморило окончательно и наша эксперт-криминалист практически храпит, уютно свернувшись калачиком в душистом сене.

Дорога ведёт лесом, над головой шумят русские берёзы, зелёные листья на голубом фоне неба и яркое золото солнышка, щекочущего нос. Наша рыжая кобыла идёт уверенной рысью, длиннющим хвостом отгоняя слепней и мух. Опергруппа в отпуске...

Вообще-то это всё государь придумал, мы как раз таки не настаивали. Но его тоже можно понять – столько давления со всех сторон: боярская дума, отец Кондрат, матушка-царица, Митькина маменька... С неё-то, кстати, всё и началось. Сейчас расскажу по порядку, время есть, в Подберёзовку прибудем не раньше обеда...

Итак, я – Ивашов Никита Иванович, хотя в принципе мог бы уже и не представляться. В нашем царстве-государстве меня каждая собака знает как гражданина участкового или батюшку сыскаго воеводу. Служу в звании лейтенанта милиции начальником первого Лукошкинского отделения. Работа востребованная, по местным меркам вполне высокооплачиваемая, если б дьяк Филимон ещё и с зарплатой не пытался мухлевать... Но это уже о своём, о наболевшем, и в настоящий момент к делу не относится.

Вон тот верзила, что сидит ко мне спиной и тихо орёт дурным голосом дурные песни, – это Дмитрий Лобов. Наш младший сотрудник, силы немереной, красоты неписаной, потенциала нереализованного, а ума... воздержимся от комментариев. Если начну всё вспоминать, то добром для моих нервов это не кончится. А полноцветно всего Митю описывать – ведра краски не хватит...

Вот с Ягой всё проще – она классная! То есть абсолютно замечательная бабка, во всех смыслах – добрая, щедрая, хозяйственная, заботливая... И если вдруг найдётся идиот, который попытается убедить её в обратном, хотя бы просто усомнится, – я ему не завидую. Наша скромная старушка – известнейшая личность, можно даже сказать, раритет, антиквариат и всенародное достояние! Хотя характер порой, ой-ёй...

Я заботливо прикрыл ноги Яги своим кителем; левая у нее «костяная», ломит на непогоду, и лучше держать суставы в тепле. Вроде всё рассказал? Ах да – почему отпуск... Причин, как я уже и упоминал, несколько.

Во-первых, моя невеста Олёна уехала. Не насовсем, а к очень дальней тётушке в гости, с целью пригласить единственную родственницу на свадьбу в сентябре. Да, да, величайшим соизволением драгоценнейшего нашего Гороха моя свадьба отодвинулась аж на осень. И, должен признать, тут царь-батюшка здорово меня выручил...

Нет, я если чего решил, так отступать не намерен. Олёна мне нравится, и более того, я с ней в загс – хоть сейчас, но... Всегда есть это противное «но», и никуда от него не деться!

Судите сами, ну обвенчались бы мы прямо в мае, и куда потом? В отдельный терем, жить своим домом в любви и согласии, да? То есть собирать вещи, уходить из бабушкиной горницы, а для неё это как нож к горлу – инфаркт в чистом виде! Можно, наоборот, ввести молодую жену в терем Яги, он большой, места всем хватит, логично? А что такое две хозяйки на одной кухне, слышали? Причём одна – старая ведьма, а другая – молоденькая бесовка, хоть и бывшая... Ставь красный крест на всём отделении – они его попросту спялят с блинами на следующий же день совместного общежития! И какие у кого предложения?

Многоопытный в женском вопросе Горох просёк это дело первым, ещё до того, как я сам осознал двусмысленность момента. А в результате мою невесту с почётом отправили в гости на чёрт-те какой дальний край нашего царства, а нас запузарили в отпуск. По письменному заявлению Митиной матушки, которая-де жутко соскучилась по любезному сынулучке...

Письменная грамотка пришлась как нельзя кстати, и ныне вся наша пёстрая компания ехала в деревеньку, на горячий хлеб и парное молоко. А там, до осени, надо будет что-нибудь придумывать...

– Эх, батюшка Никита Иванович, а до чего ж хорошо на малой родине свежим воздухом грудь молодецкую прополоскать! И ведь всё благодаря матушке родной, кровиночку свою единственную в пенатах отеческих видеть возжелавшей...

Я не отвечал, он всё равно больше сам с собой разговаривает. А письмишко это мне удалось у государя выпросить, вот оно, в планшетке. Кстати, редкий экземпляр, я такие коллекционирую – невинная просьба повидать сыночка художественно подкреплена дюжиной однообразнейших материнских угроз типа: «вот уж помру... годы-то давно не те... глазыньки слепнут, ушки гложут, ноженьки тож туды ж нехожалые... сгину смертью безвременной... могилка заброшенная... сухой травонькой прорасту, а тебя, царя-батюшку, молить буду – пусти сыноньку во деревню, хоть на денёк, а ежели сыскной воевода зело лютовать будет, так ему укорот дай, чтоб к слезам материнским впредь уважение имел...» Ей-богу, я даже подумал сначала, что это ей наш дьяк надиктовывал, до того стиль похож...

– А вона уже за лесочком и дымки приветственные видны! Небось мамка баньку топит, пироги печёт, гусей-курочек жарит, нас полным столом дожидаетесь. Не кручинься, маменька! Скачет-едет в сельцо родимое бывший Митька беспутный, а ныне – самый что ни есть наипервейший милиционер!..

Каюсь... Мне стоило бы ещё тогда обратить внимание на его болтовню и потребовать разворота кобылы назад. Увы, не успел... Но уважительные причины у меня тоже были, потому что, внезапно выскочив из кустов, дорогу нам преградили два рослых молодца, одинаковых с лица! В руках у каждого покачивался дрын из двадцатилетней берёзы, а глаза такие озорные-озорные...

– Станови телегу! – почти в один голос потребовали парни.

Я молча приложил палец к губам, указывая на спящую бабулю. Близнецы понятливо кивнули, но преступные действия всё же продолжили, тормознув нашу кобылу под уздцы.

– Это ктой-то тут по нашим-то дорогам ездит, а дани-подати-то и не плачивает? – строгим таким, но умеренной громкости голосом предложил выяснить один.

Вообще-то в телеге под соломой лежала длиннющая стрелецкая пищаль, но чего доставать эту дуру, если у нас свой младший сотрудник есть?

– Деревня необразованная, – виновато обернулся ко мне Митяй, – на печи сидят, лаптем щи хлебают, форму милицейскую отродясь не видели. Не извольте беспокоиться, Никита Иванович, я уж с ними по-свойски, на уровне профилактики, без вызова в отделение побеседую.

– Тихо, вежливо и корректно, – напомнил я. – Нехорошо будет возвращаться к маменьке на заслуженный отдых с синяками в пол-лица.

– Поберегусь, – обещался он и, спрыгнув с телеги, прямо на моих глазах, без всякого предупреждения врезал ближайшему молодцу кулаком в ухо!

Всё, профилактика началась – первый правонарушитель отлетел в кусты...

– Ой, а и кто ж это такой быстрый будет? Никак Митька-беспутный объявился, – спокойно поинтересовался его братец, пытаясь огреть дубьём нашего младшего сотрудника. Митяй легко увернулся и подсмотренным у меня приёмом дзюдо отправил второго умника в другие кусты, на противоположную сторону дороги.

– Был беспутный, да весь вышел! Ныне – «милицейский чин» моё прозвание, да так, чтоб с отчеством...

К моему немалому удивлению, первый верзила вышел за очередной порцией своими ногами. Ухо у него было красное, но выражение лица спокойное и гостеприимное, как у трансформаторной будки.

– Чёй-то меня комарик-то в ушко куснул, али, может, и мушка-то какая сослепу тыкнулась... Милицейский, говоришь-то, а не врѣшь ли, часом, соседушка?

Митя честно отметил болтуна и по второму уху...

– Соседушка? – с телеги поинтересовался я. – Мить, ты их знаешь, что ли?

– А то, – на мгновение откликнулся он, дав плюху другому братцу. – Наши олухи, деревенские, сызмальства шалостями известные – Прошка да Ерошка! Два близнеца, как из одного яй...

Тут он отвлѣкся и сам словил берѣзовым бревном в лоб. Треск раздался... Как вы поняли, пересушенная древесина не выдержала столкновения. Наш герой лукошкинских баталий искренне обиделся и начал валять близняшек всерьѣз. Яга, проснувшись, приоткрыла один глаз:

– Всѣ ли под контролем, Никитушка?

– Всѣ-всѣ, бабуль... Спите, Митька уже одного под пнѣм закопал, второго кобчиком об ѣлку стучит. Так что скоро поедем...

– И то дело, вздремну-ка я, старая. – Бабка повернулась на другой бок и через мгновение сладко сопела по-прежнему.

Митяй подбежал буквально через минуту, оба здоровяка-братца за ним следом.

– Никита Иванович, можем трогаться! Воспитательная деятельность на уровне проведена, местное население ждѣт. А ребят маменька моя послала, до вечера нас по дороге встретить да шуткой какой развлечь...

– Ну я так и понял. Поехали?

Мне не хотелось лишний раз говорить, что деревню я не люблю, что шутки у них дубовые, чувство юмора недоразвитое, а на топленом молоке с пенками я лично загнусь уже к вечеру. Впрочем, вечер заслуживал отдельного описания...

* * *

Начнѣм с того, что встречала нас хлебом-солью вся Подберѣзовка – восемь изб, четыре сарая, два овина и разъединственная баня (блин, сауна!) на всех. Однако, думаю, в каждом дворе народу было прописано прилично – высыпали и дети, и старики, а девок красных вообще немерено... Особо не шумели, флажками приветственно не размахивали, стояли молча, с живым любопытством в глазах, кулаки прятали за спиной. Я так понял – нас здесь несколько опасались. Причѣм угадайте, из-за кого!

– Тпру-у, стоять, залѣтная! – Митяй бодро натянул поводья.

Мы остановились перед широко распахнутыми воротами самого большого и ухоженного дома.

– Добро пожаловать, батюшка сыскной воевода! – густым взволнованным голосом приветствовал меня благодушный, опрятно одетый мужик лет эдак пятидесяти, с медной бляхой старосты на добротном армяке.

– Здравия желаю. – Я деликатно потерябил Ягу за кацавейку и спрыгнул с телеги.

Затѣкшие ноги отдались иголками в пятках. Бабка приоткрыла один глаз, бегло осмотрев территорию, но вылезать явно не собиралась.

– А вот не побрезгуйте хлеба-соли откусать.

Из-за ворот выкатилась совершенно невообразимых объемов тѣтка с традиционным подносом. Да с чего ж брезговать-то? Полотенце чистое, хлеб свежий, соль... странная какая-то, серая, словно перемешанная с пеплом.

– Глянь-кась, ест... – с непонятным удовлетворением отметили наши недавние знакомцы Прохор с Ерофеем.

Вся деревенская публика затаила дыхание...

– Спасибо, всё вкусно, – вежливо дожевал я.

– Так не изволите ли в избу пройти, – вновь поклонился староста. – Ужо, почитай, третий день стол накрытым держим...

– Какой день? – не поверил я, представляя прокисший оливье, но наш младший сотрудник уже по-хозяйски кинул кому-то вожжи – парковать кобылу, и деловито шмыгнул в ворота. Мгновением позже прогремел его уверенный бас:

– Ей-ей, не врут, Никита Иванович! Сделано, как приказано. Стандартам качества соответствует, капуста с брусничкою, сам проверял...

Оставалось пожать плечами, подать руку сползающей с телеги Бабе-Яге и торжественно прошествовать в дом. Где, кстати, сразу же цыкнуть на Митяя, вольготно расположившегося во главе щедро накрытого стола. Всё в лучших традициях русской деревни – щи, каша, пироги, грибы, капуста, жареный гусь и ведёрная бутылка мутного самогону...

– А я, признаться, думал, что ужинать мы будем у твоей маменьки, нет?

– Марфа Петровна изволили сказать, что позднее будут, – опередив Митю, вежливо встряла хозяйка. – Наряжаются они...

Хм, судя по тону, маменька была тут не последним человеком. А вообще нас за столом сидело немного – ну, староста с супругой, мы трое – вот, собственно, всё. Прочий крещёный люд прилип носами к окошку, а громкие голоса близнецов долетали и до нашего слуха. Не полностью, но какие-то занимательные моменты я даже воспроизведу:

– ...а он с телеги-то соскочил да как даст мне коленом в лоб! Дескать, отвали, деревня, здесь теперь милиция ездит...

– ...нет, бабка тихая, видать, ручная...

– ...но участковому лучше в глаза не смотреть – у него в левом Колыма, а в правом Сахалин, гостеприимством так и светятся!

Говорливые ребята, столпы демократии. Хорошо, в нашем царстве журналистов нет, а то б мы от таких рассказчиков вовек не отмылись. А ведь хотел я в своё время предложить Гороху выпускать первую столичную газету «Утро в Лукошкине»... Всё руки не доходили... и слава богу!

Под долгие уговоры хозяев мы с Ягой приняли по маленькой стопке самогону – дрянь несусветная... Митьке я наливать запретил, начнёт – потом не остановим. В целом разговор как-то связывался, особенно после того, как я уточнил, где мы, собственно, будем расквартированы.

– О том не извольте беспокоиться, воевода-батюшка, – успокоил меня староста. – Есть у нас за околицей свободная избёнка. Ужо девки её со вчерашнего прибрали, печь протопили, полы вымыли да пауков вымели...

– С пауками это они поторопились, – между делом заметила наша бабуля. – Паук – в хозяйстве насекомая полезнейшая! Муху поймать, оконце занавесить, опять же самогонка ими хорошо очищается – три паука на ведро, и чистей слезы будет!

– Охти ж мне! – всплеснула руками старостиха. – Отродясь о таком не слыхивала. Ну да тока там пауков уж слишком много было, хоть лопатой гребь. Любят они избу энту...

– Минуточку, Митя, Мить, я к тебе обращаюсь! Кто нам в отделении доказывал, что у вас с маменькой в деревне дом большой? Типа отдельный особняк на восемь комнат, и ночевать есть где, и туалет во дворе близко...

Наш младший сотрудник густо покраснел, ничего не ответив. В принципе и так всё было ясно – врал из лучших побуждений. Хорошо ещё, опытный Еремеев мне сразу посоветовал

отправить соответственное письмо местному руководству, для подстраховки. Так что недвижимостью на время отдыха нас в любом случае обеспечивали...

– У Марфы Петровны, не во гнев будь сказано, – опуская взгляд, пояснил хозяин дома, – избёнка уж больно невзрачная. Селиться вам туда не по чину будет. А вот уж сыночка её привезли, за то – спасибо. Может, крышу мамане поправит, течёт ведь...

– В каком смысле? – попытался пошутить я, но в деревне тонкого юмора не понимают. Тем паче что достопамятная Митина мама и выбрала этот момент для эффектного появления перед нашей опергруппой.

Ка-ка-я-а это была женщина-а...

– Здравсте, что ль! – шумно приветствовала нас квадратная, пёстро наряженная баба, войдя в дверь и встав посреди горницы. Внешне – копия цирковой борец Иван Поддубный, только без усов и в юбке. Руки как два окорока, грудь похожа на наковальню, а челюстью можно колоть орехи, причём сразу в крошки...

– Маменька родная! Дозвольте обняться прилюдно, Никита Иванович! – дрогнувшим от умиления голосом попросил Митяй.

Я охотно дозволил – знаете, такого рестлинга даже в кино не показывают, из соображений гуманности. Когда они в порыве родственных чувств обхватили друг друга, хруст костей, наверное, был слышен и за пределами избы! Кто кого помял, непонятно, оба выглядели вполне довольными...

– От ить какая радость великая! – поделился наш младший сотрудник, выбравшись из экскаваторных родительских ласк и усаживая маменьку на почётное место, поближе к Яге.

Лавка разом прогнулась под таким весом, и наша сухонькая бабуля мигом съехала к Марфе Петровне под мышку.

– Вот маменька дорогая, какова опергруппа наша отважная! Всех представлю, о каждом скажу, никого не обойду, ничем не забуду. О себе, едино, промолчу, про меня слава ратная да шрамы боевые своё слово скажут, а товарищи боевые подтвердят. Ну наипервейшим делом у нас сам сыскной воевода, батюшка участковый, всем защита, самому царю укор и совесть живая, а мне – дык вообще отец родной! За то и выпить надоть, не находите?

И прежде чем кто-то хотя бы моргнул в знак согласия, этот злодей ливанул себе стакан самогону, низко поклонился и хрюкнул так смачно, что всем тоже захотелось! Хозяин дома поддержал, Митина мама воспользовалась той же посудой, что и сын, и тоже без закуски...

– А вторым лицом, да не по значению, а токмо субординации ради, бабуленька наша, эксперт бессменный, упоминания заслуживает. Храбрости – дивной, внешности – редкой, доброты – немыслимой, терпезу – ангелоподобного, а что с подчинёнными творит – вымолвить завидно... Баба-Яга! Ужо кто сдуру и за неё не выпьет, тот сам себе враг, а я и заступаться не буду...

Как вы понимаете, выпить пришлось всем, даже мне. А вот со второго раза самогон показался куда приятнее, ядрёный, многоградусный, но без сивушной горечи, и выпился невероятно легко. После чего, кстати, захотелось встать, дабы достойно выступить с ответным словом. Две стопки не заставили мой язык заплетаться, но тем не менее я вовремя поймал себя на мысли, что всю правду, в её неприкрашенном виде, Митиной маманьке знать всё-таки не стоит...

– Ну сначала я должен признать, что наш младший сотрудник в целом высказался идейно и по существу. Действительно, были такие ситуации, когда без должного взаимодействия всех звеньев нормальная работа отделения оказалась бы попросту парализована. Поэтому если исходить из фундаментальных основ самой системы правопорядка, то... – Здесь я остановился перевести дух и с некоторым недоумением отметил, что меня почти никто не слушает.

Марфа Петровна что-то живо выпытывала у Яги, та жарко шептала ей на ухо, и обе поочередно хихикали. Староста с супругой тихо чокались на пару и пили явно за своё личное, внут-

рисемейное. И лишь безоглядно верный Митька, растопылив уши и вытаращив глаза, восторженно конспектировал в подаренный мною же блокнотик мою же речь...

– Чёрт с вами, наливайте, – тихо сдался я.

Все радостно откликнулись, и что было потом, я лично помню смутно. То есть по русскому обычаю вечеринка удалась! Проснулся ночью...

* * *

Первые впечатления – самые мрачные... Мы все (в смысле я, Яга и Митька) находимся неизвестно где. Судя по всему, нас, видимо, всей опергруппой куда-то вывезли и устроили на ночь. Меня положили посреди горницы, в полной форме и в сапогах, прямо на кучу свежего сена. Представляю, как я буду выглядеть утром...

Бабку вообще закинули на холодную печь, и гордость нашей экспертизы выводит рулады оттуда, а ветер в трубе вторит её храпу. Мой младший сотрудник был обнаружен в сенях, я об него чуть ноги не переломал, пока выбирался. Туалета во дворе не оказалось, пришлось идти за избу, в лопухи.

Ночь выдалась светлая, не так страшно... В том плане, что я никак не мог отделаться от ощущения чьего-то пристального взгляда за спиной. Хотя что уж особо интересного мог представлять трезвеющий милиционер, быстро делающий свои дела в лопухах!

Вернувшись, запер дверь на засов. Уже сонным взглядом посмотрел сквозь мутное оконце и обомлел – под лунным светом чёрным контуром мелькнула зловеющая тощая фигура в приталенном балахоне и исчезла за деревьями!

– Дверь на запоре, в окно не полезут, а в сенях Митьку нипочём не обойти, – вслух подумал я, ни к кому не обращаясь. Потом зевнул и резко плюхнулся в сено, досыпать...

Утро началось с пения петуха. Одного... второго... пятого... мама-а-а!!! Не хочу иметь домик в деревне! Похоже, с этим криком я и проснулся...

– Доброе утро всем, – после секундного замешательства бодро соврал я.

Утро было... нет, сказать, что недобрым, – это мало... С языка непроизвольно рвались исключительно непарламентские выражения, так и тянущие на пятнадцать суток за нарушение общественного порядка. Судите сами...

– Никитушка-а... – С печки на меня глянула помятая, как в ДТП, физиономия Бабы-Яги. – Совсем помираю... из чего энти ироды деревенские самогонку гонют, ить всего-то две... ну три... По-любому ж не больше полулитры и пригубила. А головушка ажно по всем швам трещит... Водички бы!

Из сеней доносился густой богатырский храп. Это Митя. Да, да, тот самый, что у нас в Лукошкине вставал до петухов, потому что деревенский и сызмальства так приученный. Это вам номер два, то есть вообще ничего не понятно!

Я огляделся: в углу как нельзя кстати оказалась бадья с водой и деревянный ковшик. Яга пила понемногу, маленькими частыми глотками, причмокивая и тихо матерясь. Под сбившимся платочком, на маковке, угадывалась большущая шишка... Мы что, ещё и подрались с кем-нибудь?

– А энто, голубь, Марфе Петровне спасибочки сказать надо, – проследив мой сострада-тельный взгляд, сдержанно буркнула бабка. – Ты уж когда хороший-то поперёк стола лежал, ей, вишь, тоже здравицу сказануть захотелось.

– Ну и?... – Я не стал углубляться в тихий ужас собственного грехопадения. Допился до беспамяත්ства... и кто, сам участковый!

– Ну и встала она. А скамья упругая, от облегчения возьми да и разогнись... Ох и подкинуло ж меня, грешную, да прямо кумполом об твердь потолочную! Вспоминать и то больно...

– А Митька?

– Митенька – молодец, – морщась, признала бабка, возвращая мне ковш. – Он и твою светлость, и меня, старуху, собственноручно в телегу положил да сюда доставил. Вот тут и рухнул ужо... Тока телегу почему-то чужую взял. Без лошади. Сам впрягся, на своём горбу попёр, да ещё и приплясывал всю дорогу. Я ить не целиком пьяная была, я всё помню...

М-да, судя по всему, положительное впечатление на местное население мы все вчера произвели в полной мере. Живые примеры для подражания...

– Никитушка, – окончательно добила Яга, – ты уж старосту-то за самогонное варение не привлекай. А то ить запугал вчерась мужика окончательно, сказал, дескать, таким хреновым виски ему впредь вдоль этапа только белых медведей на Сахалине спаивать... Зачем? Старался ведь человек, по-людски, уж прости на первый-то раз, а?

Так, спасибо, на улицу мне теперь не выйти, хоть стреляйся. Второй ковш воды я молча вылил себе на голову, утопиться, что ли...

В сениях раздалась невнятная возня, удар обо что-то лбом, грохот, далёкий стон и раздольный русский мат от всей широты необъятной души. Должен вынужденно признать, что прозвучало это достаточно-таки освежающе... По крайней мере, лично меня взбодрило.

– Бабуля, не делайте резких движений, я сам посмотрю, что он там поломал.

– Дык, судя по треску, всю дверь с косяком напроцъ вынес, – безошибочно угадала Яга.

Она у нас эксперт-криминалист со стажем, в таких мелочах не ошибается. Но сейчас ошиблась в плане того, что там ещё и крыльцо здорово пострадало... и телега... и забор.

Митяй, видимо, как поднялся со сна, так и понесло его танковой колонной по прямой линии, невзирая на искусственные преграды. Его бы и забор не остановил – доски хлипкие, но за ним еще берёза была, многолетняя, в данном случае – единственный природный тормоз. Я молча наполнил ковш и пошёл поливать недоумка...

Полчаса спустя мы всей командой сидели за пустым столом на утренней планёрке. Лично я после вчерашнего чувствовал себя отлично, чего не скажешь об остальных...

– А утречко-то какое, правда?

– Угу, – почти в один голос и с одинаковой мрачностью поддержали мои сослуживцы.

– Птички поют, солнышко светит, на небе ни облачка, гидрометцентр ничем не запугивает. – Честно говоря, моего оптимистичного настроения никто не разделял. Митька и Яга старались без надобности не шевелиться, тихо мучаясь головной болью. На меня они смотрели с плохо скрываемой неприязнью...

– Кстати, ночью никто не заметил ничего подозрительного? Нет, я серьёзно спрашиваю...

– Никитушка, смилостивись, сокол ясный, – не поднимая глаз, начала бабка, и Митяй робко поддержал, поняв её с полунамёка:

– Никита Иванович, за-ради всего святого... пожалей, отец родной, помрём ведь оба... Ну меня, дубину беспородную, что жалеть, а вот бабуля пенсионная без вины виноватая сгинет... Дозвольте, а? Одна нога здесь, другая там, весь век бога молить буду!

– Н-да... леший с вами! Со сколькои здесь, в Подберёзовке, самогоном торгуют?

– Круглосуточно!!! – радостно взвыл он и тут же едва не рухнул, схватившись руками за голову.

Ой, а дело действительно суровое, как ни верти – похмелять придётся... Хорошее начало отдыха в деревне!

По счастью, бежать никуда не понадобилось, раздался стук в восстановленную дверь, и на пороге возникла румяная голубоглазая девица в простом сарафане и с вместительной корзиной в руках:

– День добрый, гости дорогие! А вот Марфа Петровна сыночку своему гостинец передать упрашивала, так можно ли?

– Заходите, гражданочка, – вежливо приподнялся я. – Митя, это к тебе.

Наш младший сотрудник с трудом оторвал зримо распухшую голову от столешницы и вперился в гостью подозрительным взглядом.

– Чёй-то незнакомая она нам будет... С чего бы мамане чужому лицу такое дело интимное поручать!

– Мить, «интимное» – это... совсем другое, не в том контексте и не в этом месте. – Я пнул его коленкой. – Девушка завтрак принесла, а ты из себя привереду строишь...

– А я, может, понять хочу, чьих она фамилий будет, – непонятно с чего завёлся он. – Мало ли какая тут придёт с корзинкою, нате, ешьте, а маменька небось ни сном ни духом, чем от её имени враги родную милицию злобным ядом невкусно потчуют.

Девушка покраснела, как свежий омар, резко шагнула в горницу и начала демонстративно выгружать продукты.

– Вот хлеб, маслице, яички варёные, медку немного, цыплёнок жареный, сало... – Неполную бутылку самогону на стол она поставила молча. – Ещё лук зелёный да сметаны миска. Всё свежее, кушайте-угощайтесь! А за вещи ваши не беспокойтесь, они у старосты в целости и сохранности...

– Благодарствуем, красавица, – за всех поклонилась Баба-Яга. – А как тебя звать-величать-то? Мы тут не один день гостить будем, небось ещё встретимся...

– Маняша, – широко улыбнулась спасительница.

– Не знаю такой... – опять скорчил недовольную морду Митька.

Я даже хотел было цыкнуть на него, ведёт себя совершенно по-свински, но не успел...

Утренняя гостья развернулась, небрежно подхватила глиняную миску сметаны и с размаху надела её ему на голову! От неожиданности обалдели все... Когда дверь за красной девицей закрылась, Митя тихо подал голос:

– Манька энто, кузнецова дочь, кажись, вспомнил... Никита Иванович, а за нападение на сотрудника милиции пятнадцать суток дают?

– Это если он при исполнении, – автоматически откликнулся я. Наша эксперт-криминалистка сдержанно хихикнула:

– А ведь бой-девка! Жаль, Васеньки моего нет, стока сметаны зазря пропадает... Наливай, что ли, участковый!

Через минуту мы уже в голос хохотали всей опергруппой. Причём осметанный Митяй веселился больше всех...

* * *

После завтрака Яга направилась с ответным деловым визитом к старосте – решить вопросы более полного благоустройства и харчевания, вернуть нашу телегу со всем скарбом, сдать кобылу в общественный табун, ну и прочие моменты... Меня же понесло осматривать окрестности, а в экскурсоводы, естественно, набился, так сказать, бывший местный житель, а ныне младший сотрудник нашего отделения. Причём маменьку навещать он категорически отказался, что симптоматично...

– Она ить как за стол усадит, так и не выпустит до вечера! Потом небось соседок позовёт, мной гордиться вслух будет, а мне и неудобно... Что ж мы, за-ради славы личной на фронте общественном живота своего не жалели, грудью ворога останавливали, задом тыл крепили?

– Мить, а попроще как-нибудь...

– Проще никак, Никита Иванович, – развёл лопатообразными руками этот долговязый болтун, – ибо, по совести говоря, чую: зря я вас с бабулей на деревню зазвал... И развлечь-то вас нечем, и культура не та, и как-то отвык я от эдакого примитивизму. Томит душеньку, сердечко ломит, и вот здесь, под ребром, предчувствие некое...

– Положительное?

– Никак нет, скорее резус отрицательный, – убийственным тоном опытного патологоанатома заключил он.

Мы только-только вышли за село к лесу. Справа речка, слева бор, за деревьями невысокий терем, и... чёткие следы в подсохшей грязи на тропинке. Видимо, на днях был дождь, и глубокие лужи высохли не везде, одну из них пересекали ясно отпечатавшиеся носки узких мужских башмаков. Причём именно носки, словно кто-то пробирался на цыпочках в сторону терема...

– Чьи хоромы? – невзначай полюбопытствовал я.

– Энти? – Митяй рассеянно прикрыл ладонью глаза от солнца. – Дык, известное дело, бояр Мышкиных старый дом.

Ух ты... Вот уж кого сто лет не видел, не слышал! В памяти, чуть подёрнувшись дымкой, всплыли самые яркие подробности дела о перстне с хризопразом. Боярин Мышкин, Афанасий Фёдорович, начальник стрелецкой охраны при государевой казне, волей судьбы и происками слуг Кощея втянутый в серьёзнейшую политическую авантюру. Если бы не планомерная и вдумчивая работа всей нашей розыскной бригады, то Лукошкино могло бы уже и не существовать – город захватили бы шамахань!

Недалёкого боярина в те дни спасло от царского гнева лишь удачное стечение обстоятельств да моё личное заступничество. Хотя, с другой стороны, именно благодаря «моему личному заступничеству» Горох и отправил Афанасия Фёдоровича в ссылку. Значит, вот сюда, в родовое поместье, близ Митькиной Подберёзовки...

– И как он здесь поживает? – небрежно спросил я.

Маменькин сын беззаботно пожал плечами, его этот вопрос не интересовал нисколько. Ну, по идее, меня оно тоже никаким боком не касается, я здесь вообще-то на отдыхе...

Мы обошли мышкинскую усадьбу, огороженную внушительным тыном, и двинулись к речке. Собственно, чем же ещё заниматься летом в отпуске, как не купаться и загорать? Я снял фуражку и ослабил галстук, расстегнув верхнюю пуговицу на рубашке. Китель остался в избе, ужасно хотелось снять ботинки и пройтись по траве босиком. Да, да, вот точно так же, как мой напарник, блаженно жмурясь от солнца, подставив кудри лёгкому ветерку, грудь – свежему воздуху и с каждым шагом словно бы окуная натруженные ноги в божественное разнотравье летнего луга...

Я не выдержал и попробовал. Пока дошли до реки – десять раз проклял всё на свете! Дважды наступал на какие-то колючки, ушиб большой палец левой ноги о замаскированный булыжник, а у самого «пляжа» смачно наступил в свежую коровью лепёшку. Правда, Митяй уверял, что во вчерашнюю, но мне-то от её срока давности ничуть не легче...

– Мы куда пришли?

– Дык куда велено, на речку. Купаться же!

– Давай уточним, – достаточно вежливо предложил я, обводя холодным взглядом узенькую полоску песка на отмели, буквально изрытую сотнями коровьих копыт. – У вас что, купаются там же, где и всё стадо поят?

– А-а... – дошло до него. – Так вам вон та бурёнка мешает?

Действительно, неподалёку по брюхо в воде стояла философствующая домашняя скотина с рогами один вниз, другой вбок.

– Видать, тоже прохладцы захотелось. Сейчас прогоним в лучшем виде!

Помешать я не успел. Сцену «изгнания» бурёнки из реки предлагаю домыслить самостоятельно. От себя упомяну, что уже через пять минут мы с Митькой сидели на ближайшем дереве, внизу кругами носилась бешеная корова, а вода на месте купания казалась просто густой взбаламученной грязью...

– Бодливая попалась, – тяжело дыша, отметил мокрый тореро, адресуясь, видимо, сам к себе.

Хотя, с другой стороны, уж он-то это и первым понял... Меня тема проблем в животноводстве никогда не интересовала, но обстановка как-то располагала к разговору, поэтому я попробовал изменить русло беседы. Мстительная рогоносица, раздувая ноздри, поджидала внизу...

– Есть разумные контрпредложения?

– Да, контра та ещё. – Видимо, сидя на две ветки ниже, он не до конца понимал, о чём речь. – А может, спустимся да призовём её к порядку с двух сторон? Типа я ей на морду рубаху свою брошу, а вы сзади, с палкой, и ка-а-к её...

Трах!!! Я попытался дотянуться до Митьки ногой и пнуть его по затылку, но подлый сук предательски хрустнул и... Короче, приземлился я прямо на спину обалдевшей коровы! Бодливая недотрога взвилась на дыбы так, словно заподозрила меня во внеплановой попытке реализации брачного контракта. Раньше я думал, что так только пьяные ковбои на родео развлекаются, а теперь... Первый раз она так подбросила меня вверх, что мы с Митей успели обменяться коротким диалогом:

– Ё-ма... – восхитился он.

– Уй-ё!!! – подтвердил я.

Потом она кидала меня на своей спине, а я категорически отказывался падать. Не считите это лихим каскадёрством, просто очень жить хотелось, да и непривычно мне, городскому жителю, с коровами бодаться! Боюсь я их...

– Эй, сыскной воевода, а ну не балуй на нашей кормилице! – возмущённо прозвенел девичий голосок.

Мы с коровой пристыженно обернулись и сникли под строгим взглядом кузнецовой дочери. Маняши, кажется? Она поигрывала длинной хворостиной, и я предпочёл объясниться...

– Во-первых, как говорится, здрасте.

– Виделись, участковый.

– Тогда, во-вторых, вы не могли бы забрать эту скаковую корову, раз она ваша...

– Могу, если вы её из-под себя выпустите.

Я сполз с коровы, красный, как Чапаев или Чингачгук. Должен признать, что и резвушка рогатая тоже стыдливо прятала глаза. Всем было неудобно, кроме Митьки. Он спрыгнул с дерева и, показав корове кулак, начал качать права:

– Манька, девка глупая, ты что ж за зверьём своим плохо смотришь! Таких хищников на цепи держать надо и без намордника на люди не выпускать. А то ить за нападение на милицию у нас разговор короткий – под суд, на колбасу!

– Нашу бурёнку под суд! – ахнула девушка, после чего они с коровой набычились (ей-богу!) одновременно.

Второй раз лезть на дерево мне было уже несолидно...

– Спокойно, гражданочка со скотиной, – как можно вежливее, но твёрдо объявил я. – Наш младший оперуполномоченный Дмитрий Лобов просто шутит. Он давно не был на малой родине, в исторических краях детства. Служба в большом городе, таком как Лукошкино, накладывает определенный отпечаток на психику милицейского работника. Если бы вы только знали, сколько всего и всякого нам довелось пережить. Вот и приехали к вам лечить нервы молоком и свежим воздухом, а вы на нас корову натравливаете...

– Ой, ну что вы, батюшка участковый! Она же мирная, мухи не обидит... – сразу изменила тон наша новая знакомая.

Корова тут же демонстративно сбила ни в чём не повинную муху, на лету, не глядя, каким-то изощрённо ушуистским ударом хвоста...

– А правду говорят, будто вы там целое войско шамаханов победили, иноземного демона землю есть заставили и самого Кощея на каторгу упекли, пни корчевать?

– Ну-у, в целом где-то так, приблизительно... Мить, я всё-таки искупаюсь, а ты посторожи вещи на берегу, заодно расскажешь девушке что-нибудь захватывающее. Он у нас мастер рассказывать, особенно если про Шекспира...

Я высмотрел чистенькое местечко выше по течению. Мой напарник с Маняшей присели на бережок, коровка щипала травку, исподволь, незаметно подкрадываясь ко мне с какими-то милитаристскими целями. А может, я уже просто себя накручиваю... Всё, загорать и купаться!

* * *

Знаете, вот только с наслаждением окунувшись в тёплую речную воду, я вдруг почувствовал, что отпуск налаживается. А сплавив пару раз от берега к берегу (десять метров туда, десять обратно), понял: жизнь прекрасна! И надо срочно отправить гонца с письмом к Олёне, чтоб не задерживалась у родственников, а бросила всё и на крыльях любви мчалась ко мне, в милую Подберёзовку.

Мы построим отдельное бунгало прямо здесь, у реки; мы будем принимать солнечные ванны и пить самогон из высоких бокалов, через соломинку с пластмассовым осликом; мы научим местных кидаться пляжными тарелками; поставим на отмели два шезлонга, а Митька, в гавайской рубашке и белых штанах, встанет рядом, отгоняя мух опахалом из павлиньих перьев...

– Участковы-ый...

По первому разу я решил, что в ухо попала вода или меня зовут с берега. Но голос повторился снова, с тем же текстом и вроде бы откуда-то из глубины. Под склоненными ветвями ивы на противоположном берегу тревожно загорелись чьи-то зелёные глаза.

– Участко-о-вый...

– Уна? – не сразу узнал я. Синеволосая русалка, подружка Дины, дело о Чёрной Мессе помните?

В свое время обе красавицы едва не утанули меня на дно, и в своё же время обе дружно спасли мою молодую жизнь. Мы тогда рухнули в воду вместе с одним из охранников немецкого посла, водяной ещё остроумно ругался, что ему реку замусоривают...

– Участковый, иди ко мне... – тихо позвала она, испуганно озираясь. – Не бойся, мне самой страшно... чую, беда большая грядёт...

– Пишите заявление, рассмотрим, – попробовал пошутить я, но на глазах русалки показались слёзы.

– Безвинные погибнут... земля не родит... реки высохнут... страшное зло пробуждается...

Я, фыркнув, в два гребка подплыл к ней, для уточнения деталей, хотя по идее девушку сначала требовалось просто успокоить.

– Уна, скажите толком, что случилось? Только не надо вот этих ясновидческих пророчеств, их к протоколу не пришьёшь...

– Спаси нас, участковый. – Она быстро вытянула руку, и маленький перламутровый шарик скользнул мне в ладонь. Жемчужина?

– Э-э... спасибо, но...

Слова благодарности повисли в воздухе. Тихо плеснула вода, сомкнувшись над прелестной головкой, а ловить русалку в реке согласится только технически укомплектованная артель круглых идиотов, никогда не встречавшихся с водяным. Он у них то ли за мужа, то ли за отца, то ли за доброго наставника, но воспитанниц своих никому в обиду не даёт. Я пару раз встречался, дядька с юмором, но серьёзный, с глупостями приставать не рекомендуется...

Поэтому я повернул к берегу и... заорал в голос:

– Митька-а!!!

От такого вопля он драматично схватился за сердце и скорчил страдальческое лицо.

– Я убью тебя-а!!!

Теперь уже Маняша, удивлённая моим воем, соизволила повернуть голову. А поняв, в чём дело, по-девичьи прыснула в кулачок и стыдливо спрятала лицо в ладони. Нет, ну совети у обоих ни на грамм!

– Я кого просил посторожить мои вещи?! – продолжал надрываться я, стоя в рубашке, фуражке, при галстукe, в трусах и... без штанов! Ибо мои форменные брюки нагло жевала злопамятная скотина шагах в десяти на мелководе...

Сцена изъятия важной части моего костюма заняла бы ещё полстраницы, хотя бледный Митя старался изо всех сил. А в конечном итоге мимо деревни я возвращался в таком виде, словно меня жевал Кинг-Конг и выплюнул в связи с просроченным сроком годности! Хуже всего то, что по причине деликатности деревенские люди, стоя у околицы, мнение своё выражали исключительно шёпотом. Этим, собственно, вся деликатность и исчерпывалась:

– А доброго денечку, батюшка участковый! Вы-то, может, не заметили, чё у вас-то все штаны мокрые, ага...

– Ой, бабы... а у сыского воеводы-то... Ой, мамоньки, не могу... ой, гляньте-ка, так и капает... Ой, и чёго ж я ржу, аки дура, а?

– Никита Иванович, может, подмогнуть чем? Ну, там, штаны выжать али на печку вас посадить, подсохнуть, иль одеялом лоскутным обмотать, от глаз любопытственных...

– Не болтай, народ! Видать, того антиресы следственные требуют, шток наглавнейший милиционер вдоль улицы лужи за собой оставлял. Видать, в энтот тайна военная есть – подумат жульё, что участковый в мокрых портках безобиден будет, а он тут их и цап за причинно место! Верноть я говорю, сыской воевода?

Если вы думаете, что мне оставалось лишь надвинуть фуражку поглубже и пламенеть ушами, то вынужден разочаровать – на меня оно давно не действует. Ежедневное общение с нашим народом быстро гасит все лишние комплексы. Ко многим вещам начинаешь относиться проще и спокойнее, потому что если всех слушать и всякому мнению соответствовать, то лучше не жить вовсе...

– Чую, грех на мне, бабы, а тока есть от что-то эдакое в мужике, когда на нём штаны мокрые натягиваются! Вон Митька-беспутный идёт сзади, сух-сухонек, и никакого впечатления. А участковый... в обличку... точно, грех на мне!..

Пожалуй, я поторопился сказать, что уже совсем не краснею. Даже, кажется, невольно ускорил шаг, едва не срываясь в позорное бегство, но удержался из самоуважения к чести мундира. Да и собаки деревенские наверняка бы бросились в погоню, не отгавкаешься потом...

Мой младший сотрудник всю дорогу хранил глубокомысленное молчание. Вообще-то он у нас последнее время в практическую философию всей массой ударился, может до получаса в себя уйти, и не дозовёшься. Поэтому я сам начал прощупывание почвы:

– Мить, а речушка ваша как-нибудь с речкой Смородиной связана?

– Не припоминаю, Никита Иванович, но, может статься, каким рукавом и является...

– А русалки в ней водятся?

– Русалки? – Он вскинул брови, и глаза его наполнились туманом розовых воспоминаний. – Сам-то не встречал, но парни болтали, будто бы страсть как много их! Так под водой, бесстыжие, и шарются, хоть купаться не заходи. Помню, был у нас один мужичонка, Сидор-скотник, уж больно по женской линии любвеобилен и мастеровит. Не знаю, чего в нём бабы находили, а тока когда он в речку охладиться лез – русалки со всех краёв сплывались полюбоваться. Уж на что вода у нас мутная, так они поближе сунуться норовят и...

– Мить, спасибо, можно без подробностей!

– Так я ж к тому, что нравственность на селе падает!

– Ты ещё вспомни, к кому в отделение сразу пять невест с вещами припёрлись, борец с распушенностью! – строго прикрикнул я, но тут же сбавил тон: – Слушай, а жемчуг у вас здесь добывают?

– Добывают, отчего ж нет? – легко переключился он. – Как кого из купцов заезжих по ночи останоят, так и жемчуг, и парчу, и каменя всякие... много чего добыть можно. Надо тока места знать...

– Милая у вас деревенька...

– А я о чём...

Полуденное солнце грело спину, к дому подходили уже молча. Только теперь мне взбрело в голову рассмотреть его повнимательнее, без спешки и суеты. В целом изба как изба, на первый взгляд ничем таким уж подозрительным не отмечена. Крепкая, надёжная, довольно новая, свободная... Вот это действительно интересный момент. Кому и зачем стукнуло в голову строить такой хороший дом на самой окраине, а потом ещё и не жить в нём? Не то чтобы это были столь уж неразрешимые загадки, на поверку наверняка ничего таинственного не окажется, но...

Один непонятный момент всё-таки был – пока дошли до порога, я насчитал по пути ровно двадцать шесть пауков, спешащих в том же направлении, что и мы. Причём разных – чёрных, коричневых, с детишками, зловещих, с крестом на спине, хромых, суетливых, подпрыгивающих, лохматых, неприятных... Кто нам говорил, что пауки почему-то любят этот дом? Так вот, любят – не то слово; он их словно наэлектризованный притягивает!

– Необъяснимый научной философией факт, – тщательно взвесив ситуацию, оповестил Митька.

– Спросим у Яги, – согласился я, стараясь ступать осторожнее.

Смех смехом, но давить многочисленных насекомых казалось нецелесообразным. Даже опасным почему-то... Хотя главный «сюрприз» ждал нас в доме. Представляете: открываем дверь, входим в горницу, а там на лавке, носом кверху, лежит наша бабка, и на груди у неё сидит огромный, с чайную чашку, паук! У меня аж ноги подкосились...

* * *

– Ты чего орёшь, участковый? – тихо вскинула бровки Яга, открывая один глаз.

Я не орал. Ну, может, взвизгнул чуточку... И то вряд ли. Митька метнулся во двор и вернулся с дрыном наперевес – паука гасить.

– Бабуленька, не шевелитесь – щас я ему промеж глаз бесстыжих...

– А мне поперёк рёбер, да? Брось хворостину, дурак, я ещё жить хочу, – повысила голос отчаянная эксперт-криминалистка. – Али не видите оба – совещание у нас.

– И чё лёжа-то?

– А на совещании, бывает, и вздремнёшь... Паучий язык трудный да долгий, кто знал, что вы с порога пугаться начнёте? – Бабка встала, сочувственно оглядела бледного меня и, осторожно сняв паука с груди, заботливо переселила его в закуток за печкой.

– Садись к столу, Никитушка, поговорить бы надо.

Митька за моей спиной на цыпочках двинулся к печке, коварно вздымая дубьё, но бабка, не глядя, подставила ему ножку – он грохнулся и надулся. Типа вот хотел как лучше, а мы ему опять всё испортили...

– Ты уж не сердь меня, касатик. Сам видишь, настроение у меня с утра не фиалками пахнет... Покуда на стол накрывать буду, сгоняй-ка во деревню, насчёт баньки вечерней договорись. И ещё, покуда вы купались, нам староста снеси полон короб доставил, а вот соль забыл. Прикупи, надобно мне...

Когда наша домохозяйка говорит таким задушевно-проникновенным тоном, лучше послушаться. И репутация не пострадает, и нервы целее будут, и самооценка повысится – как же, уважил бабушку! Случаи «неуважения» караются быстро и разнообразно, от неизлечимого косоглазия до собачьего хвоста, не скрываемого никакими штанами. Кстати, меня бабка ещё ни разу ничем таким не наказывала, но у Митьки опыта больше, поэтому он спорить не стал. Уточнил только:

– Баньку одну на всех заказывать?

– Ясно дело, одну, – не поняла Яга. – Чё же мы по разным дворам разбредаться будем...

– Дык и я о том же, – уже от самых дверей покивал он. – Девок с самогонкою звать, али так, своей опергруппой, в узком кругу поплещемся?

В определённых ситуациях наша бабуля тормозит... Ей просто в голову не приходит, что этот умник давно не идёт на открытый конфликт, но здорово поднаторел в эзоповом языке. Это он наверняка у Шмулинсона нахватался, ещё чуть-чуть – и именно наш Митя стяжает славу первого лукошкинского интеллигента. За дверью быстро стихли его удаляющиеся шаги...

– Никита, а чего ж он имел в виду-то?

– А кто его, начитанного, разберёт, – не вдаваясь в подробности, соврал я, но бабка упёрлась, пришлось уточнить: – С девками и самогонкой – это когда глобальная расслабуха, так обычно бандиты и депутаты свои достижения отмечают. А мы в узком кругу, следственным коллективом, вы в одном тазике, мы с Митькой в другом, ну и...

– Нешто вы с Митенькой в одном тазу поместитесь? Чёй-то сомнительно мне будет...

– Вы хотели о чём-то серьёзном поговорить! – с нажимом в голосе перебил я.

– О пауках...

– Точно, их слишком много. Давайте решим это дело со старостой и переедем на новую квартиру.

– Нет, участковый, не всё так просто... – Яга посмотрела сквозь меня каким-то пустым взглядом, и я понял, что сказка про отдых в деревне приказала долго жить. В последний раз у бабки были такие глаза, когда мы с ней стояли ночью перед воротами отделения, а на противоположном конце улицы зловеще вырисовывался силуэт Кощея Бессмертного...

– Что он вам рассказал?

– Кто, паук, что ли? Так ить он ни человек, ни зверь, ни птица, а насекомое будет – речи своей не имеет, в рассказы не пускается.

– А о чём вы тогда совещались? – несколько недопонял я.

– Ты о пауках ли много знаешь? – вопросом на вопрос откликнулась наша эксперт-криминалистка. – Необычное энтю существо, чудное, на человека страх беспричинный навевает. Кусачих-то пауков у нас и нет, поди, а всё одно люди боятся. Как думаешь, почему?

– Ну-у, логических причин несколько...

– Потому, что в сети паучьи живность разная летит, тем они и пропитаются. Не любит человек сетей... И невдомёк ему, что пауки паутиной своею нечто запретное для глаз любопытных прячут. Вот о том и совещались...

– В смысле, они здесь, в доме, что-то прячут? – окончательно запутался я.

– Прячут, – заговорщицки скрипнула зубом Яга.

– А что именно?

– Не ведаю.

– Не признаются?

– Никитка, ты уж дурачка-то из себя не строй... И из меня на склоне лет дуру законченную не делай. Я кому объясняла, что пауки толком разговаривать не могут? Что уразумела – поняла, а детали да улики тебе самому искать придётся, ты ж у нас сыскной воевода...

Пока она быстро выкладывала из берестяного короба припасы, я мысленно взвешивал всю полученную за сегодня информацию. И тянула она лет на десять с конфискацией, ибо,

во-первых, в сказки я не верю, во-вторых, уцепиться особо не за что, а в-третьих, интуиция говорила, что цепляться как раз-таки и надо! Недаром незабвенный Шерлок Холмс утверждал в своё время, что самые таинственные и мрачные преступления совершаются именно в сельской местности. Пришлось между кашей и чаем рассказать бабке всё...

– Итого на данный момент мы имеем ряд негативных, но не обязательно связанных друг с другом фактов. Попробую перечислить... Мы поселены в очень одиноком доме, где почему-то собираются толпы пауков и имеют свои секреты. Ночью я видел человека в чёрном. За рощицей, близ реки, расположен терем опального боярина Мышкина, недалеко от забора которого мною же были обнаружены подозрительные следы. Русалка Уна передала в устной форме тревожное сообщение о грядущем теракте в виде конца света и вот эту жемчужинку. Я ничего не упустил?

– Бабуль, вы тут соли просили. – В горницу шагнул раскрасневшийся Митька и торжественно водрузил на стол полотняный мешочек. Как я уже упоминал, соль была грязно-серого цвета...

– Вот это и есть факт упущенный, – важно резюмировала Яга.

Цвет соли! Я автоматически сделал пометку в блокноте, момент действительно странный.

– А почему она такая... грязная?

– Дык это ж... – бодро начал объяснять наш младший сотрудник и запнулся. Почесал в затылке, покумекал, сунул в мешочек палец, облизал его, выразил недоумение всей рожей... – Дык я и говорю: какая разница-то? Солёная ведь!

Я вопросительно кивнул Яге: а в самом деле, какая? Моя домохозяйка ответила не сразу. Взяла щепотку, перетёрла в хрустящих от артрита пальцах, зачем-то понюхала, сморщилась и сыпанула с пол чайной ложки в чашку с водой. Размешала хорошенько, после чего и продемонстрировала мне:

– Любуйся, участковый!

А на что любоваться-то? Соль, естественно, растворилась без следа, но сама вода стала грязной и мутной, на её поверхности плавали какие-то крошки...

– Вы в том смысле, что кто-то продаёт пищевые продукты с нарушением санитарно-гигиенических норм? – неправильно предположил я.

– Соль эта не природная, грязная, потому как с могильной землёй смешана. Митенька, и на каком же кладбище ты такое купил?

– Ну... это... у маменьки взял...

* * *

А знаете, вот именно в такие значимые (я бы даже сказал, трагедийные) минуты, когда, по идее, надо бы собраться, уверенно сжать в тяжёлый кулак все лишние эмоции, задавить червя сомнений и рубануть гордые узел проблем мечом железной логики, я... Просто выдыхаюсь от одной длины собственных мыслевыражений. Всё-таки хорошо, что милицейская школа написания протоколов учит оперировать короткими и ясными формулировками.

Я обычно так и веду свои дневниковые записи, однако в последнее время слишком много философов вдруг развелось. Или, правильнее сказать, один кое-кто тут умничает постоянно. А у меня от этого уже комплексы в рост пошли! Тоже, что ли, у Кнута Гамсуновича какую-нибудь научную книжку попросить, почитать на досуге...

– Никита Иваныч, так я её... сбегаяю, арестую!

Может, зря Горох настоял на нашем отдыхе в деревне? Работали бы без спешки, в прежнем режиме. В Лукошкине, как говорится, уже и стены помогают. А здесь всё равно никто не даст расслабиться, вечно чего-то хотят, помогают, лезут под руку...

– Я говорю: мне арест самому, по-родственному, произвести али всё-таки вам посolidнее будет?

И, самое главное, Олёна ничего не пишет! Я надеюсь, она хоть до места нормально добралась? Понятно, что в нашем царстве уровень почтового сервиса оставляет желать лучшего ещё лет эдак на триста – четыреста. Ни конверты, ни марки ещё не изобретены, с грамотами, указами и письмами носятся запylённые царские гонцы, верхом, при сабле, с правом смены лошадей в каждом крупном населённом пункте. О чём это я? Ах да... скучаю, сердце жмёт, надо было всё-таки жениться. Плунуть на государеву волю и жениться. С проблемами как-нибудь разобрались бы по ходу, а тут...

– Да, Митя! Что тебе?

От моего грозного окрика он стушевался и отступил. Я покосился на Ягу, та деликатно постучала пальчиком себе по лбу.

– Это намёк?

– Никитушка, ты бы вернулся к нам, а? И на парня зря голос не повышай, он от тебя битый час ответу дожидается. Разрешения просит родную маменьку заарестовать.

– Чего?! – обомлел я.

Нет, у него всякие закидоны были, но такое-э...

– Нормальное дело, – нервно протянул Митяй, явно считая себя незаслуженно обиженным. – Я ить как лучше хочу! Можно сказать, редкостное великодушие проявляю и верность долгу похвальную... А потом ежели маменька наша под подозрением будет, так лучше я сам задержание произведу, чтоб без сопротивлений и... этих... эксцессов, вот!

– Какие обвинения предъявишь? – душевно полюбопытствовал я, потому что в более эмоциональном режиме я бы его попросту прибил. Причём именно за дискредитацию самого понятия «верность служебному долгу»...

– Ну пуцай хоть скажет, где соль брала, – почему-то продолжала заступаться за него бабка. – Зачем туда кладбищенской земли намешала? Почему сыну родному подсунула?

– Бабушка, знаете что...

– Знаю, – мрачно сдала позиции Яга. – Купила на базаре у заезжего купца в позапрошлом году, ничего туда не сыпала, а сынуля родненький самочинно цельную горсть себе в мешочек сыпанул и унёс невесть куда... Взятки гладки! Состав преступления нет. Отмажется в пять минут, даже без адвоката, так?

– Именно.

– Стало быть, с арестом могу не спешить покудова? – на всякий случай переспросил наш младший сотрудник, мы кивнули. – А чего тогда делать будем? Может, я всё ж таки того паука за печкой чем ни на есть тяжёлым, для профилактики... Нет? Вот так всегда, чуть ты что искренне предложишь, а тебе вечно по рукам...

* * *

Умом-то я, конечно, понимал, что он опять над нами издевается, но сделать ничего не мог. Во-первых, мы все в отпуске, а во-вторых, это по-любому его мама. Когда в дело вмешиваются внутрисемейные отношения – меняй всю следственную группу. А она у нас одна, на кого менять будем? Нет, нет, нет... я сюда отдыхать приехал, а не... Ну была же трезвая мысль поехать с Олёной к её дальней родственнице! И кто нас вообще уговорил переться в эту деревню...

– Маменьку зазря не беспокой. – Чуть покосившись на меня, Яга взяла бразды правления в свои руки. – Неча крупную женщину пустыми подозрениями изводить. А вот от чего на селе таковая соль объявилась, узнать бы следовало. Энтим и займись, касатик... По деревне

поблуждай, с людьми побеседуй, панику не сей, конспирацию соблюди на разумном уровне. Соображаешь?

– А то нет, бабуленька, – радостно вскинул буйну голову наш герой. – Всё исполню, как велено, а только бы на кабак отсыпать надо...

– Ща я тебе отсыплю, соколик.

Наша эксперт-криминалистка привычно протянула руку к помелу, и Митьку сдуло. Хм, а я-то ещё гадал, зачем бабка потащила эту старинную метлу с собой на курорт...

– Ещё чайку, Никитушка?

Я медленно развернулся к Яге, посмотрел ей в глаза и без лишних вздохов потянулся за планшеткой. Моя домохозяйка смахнула рукавом со стола крошки и придвинулась поближе:

– Пиши, участковый.

– Диктуйте.

– Стало быть, на сегодня пункт первый – выборы домового. Записал?

– Нет. – Я недоумённо отложил карандаш. – У нас тут явное преступление наклёвывается, а вы о чём! Какие ещё демократические выборы домовых по одномандатному округу...

– Таких – никаких! – твёрдо решив не краснеть, пристукнула костяной ногой бабка. – А тока помощь по хозяйству мне всё одно требуется. Нешто в мои-то годы прилично по всем углам кверху задом тараканов выметать? Вот нонче и заказала троих, должны прийти...

– Э-э... прошу прощения, как это – заказали?

– В хорошем смысле.

– Это я понял. Я интересуюсь в том плане, у них что: тут своя биржа по трудоустройству? Областное агентство по найму домовых, овинных, банных, сарайных, дворовых и далее по прейскуранту...

– Никита, ты с чего злой такой? Али на меня, старую, чем обижен? Дак не я в задержке твоей свадьбы причиной стала, по мне, хоть сейчас к Олёнке своей беги...

– Бабуль...

– Ладно, не бабулькай. – Яга тоже предпочла сменить тему. – Глянь-кась лучше, вроде пришли...

– Где? – Я бегло осмотрелся: на первый взгляд, кроме нас двоих, в горнице по-прежнему никого не было.

– А ну, ты, который за веником, – властно вскинула бородавчатый подбородок наша специалистка по вопросам нечисти и колдовства. – Выходь-ка, покажись нам, доложись да отпортуйся!

Я только глаза вылупил, когда у спокойно стоявшего в углу банального веника раздвинулись прутья и на свет божий выглянула красная физиономия первого претендента. Ростом меньше метра, лохматый, зенки бегающие, ручки длинные, до колен, одет в серую рубаху с горошинками. И как он там прятался, ниндзя бородатый...

– Слободские мы, бабушка. По домашней работе всему и всякому обучены, а старательней всего детей малолетних присмотром да уходом обеспечиваем.

– Дело важное, но нам не нужное, – пожала плечиком Яга.

– А Митька? – съязвил я.

Бабка погрозила мне пальчиком, пригласив второго кандидата, из-за печки. Этот по параметрам был практически братцем-клоном первого, с той лишь разницей, что лыс, как футбольный мяч, и грязен, словно хомяк после зимней спячки.

– Холмогорские мы, бабуленька. Домоводство всякое знаем, стирка-глажка опять же, да за чумными и чесоточными следить сподоблены...

– Эй, а медицинская справка у него есть? – невольно поёжился я: санитару с такими грязными ногтями не то что уход, «утку» из-под больных выносить непозволительно!

– Да уж, антисанитария во всё лицо, – не сразу припомнив нужное слово, согласилась Яга. – Встаньте-ка рядочком, помощнички, нам присмотреться следует. А кто у нас тут третьим номером быть должен, вылезай из-под лавки!

Он вылез... частично... в том смысле, что сначала появился его нос и только потом весь оставшийся типаж. Честно говоря, я и забыл, как именно таких мы в курсантстве на рынках гоняли... Ай, ара, где такой взялся, э!

– Никита, он мне что, глазки строит? – сипло выдохнула бабка, запыляв словно маков цвет.

Новый домовой, в свежей рубашке, весь ухоженный и отглаженный, с выбритым в цвет фиолетового баклажана подбородком, смотрел на нашу домохозяйку из-под длиннющих загнутых ресниц, а будённовские усы и неудобноносимый нос лишь добавляли ему страстного южного шарма...

– Гражданин, представьтесь и доложите резюме, – вступился я, потому что бабка явно была под впечатлением. В её годы ТАКИХ откровенных взглядов она удостаивалась редко...

– Назим, – блеснув сахарными зубами, ответил третий претендент. – Эта имя. А резюме... бабье! Ну или очень удивительное...

Теперь уже покраснел я, беспомощно развернувшись к Яге. Наша эксперт-криминалистка пару раз шумно втянула ноздрями воздух, зачем-то сумбурно поправила платочек и почти с тем же акцентом объявила:

– Этава хачу!

* * *

В общем, мне пришлось выйти. Хотя, правильнее сказать, меня просто выперли из избы. Видите ли, условия работы и вопросы оплаты труда обсуждаются трудоустраивающимся и работодателем лично, без третьих лиц. Вот так вот... теперь я – третий лишний! О-бал-деть...

Я уселся на завалинке, у крылечка, в позе старого деда Щукаря, сгорбив спину и щурясь на дружелюбное солнышко, лениво сползающее в предзакатные облака. Неспешно наступал упоительный российский вечер... Судя по далёкому треньканью нетрезвой балалайки, «упоительность» вечера действовала не на меня одного. Или, правильнее сказать, на меня одного она действовала лирически-романтическим образом, а вот народ на деревне подходил к вечернему отдыху более традиционно...

Митька Лобов пробегал, проводил дознание,
Нашу Маньку приглашал на согласование.
Будет девке с тех дознаний,
Девять месяцев страданий!

Я на первых порах, знаете ли, как-то даже не вслушивался. Это у нас в Лукошкине народ политически активный, что думает, то и говорит, лепит в лицо правду-матку и с каждого забора орёт о наболевшем. В сельской местности всё гораздо тоньше, лиричнее, песеннее...

Участковый, говорят, больно скор с допросами –
Всем коровушкам подряд приставал с вопросами,
Так одна не промолчала,
А штаны ему сжевала!

Сами видите, по тексту и рифме – попса голимая... Граждане здесь непривередливые, любой шутке умиляются, для них наш приезд на каникулы – нечто вроде эпохального собы-

тия лет на двести вперёд. Сами запомнят и внукам закажут, однако как у них быстро новости распространяются...

Выбирала домового бабка экспертизная –
Не хромого, не кривого, в деле некапризного!
Костяною-то ногой,
Чай, прельстится не любой!

Упс... Я невольно хихикнул и поймал себя на мысли, что едва не заплодировал неизвестному хриловатому певцу. Потом мне стало его жалко... Яга услышит такое и улыбаться не станет, а сказочное путешествие Нильса с дикими гусями пополнится одним крякающим голосом из русской Подберёзовки. Пойти, что ль, арестовать дурака «в целях профилактики», от греха подальше, бабушка задержанного не тронет. Но из дома никто мстить не высочил, либо не услышала, либо...

Со стороны деревни мелькнула знакомая девичья фигурка.

– Низкий поклон вам, Никита Иванович, а я по делу, – широко улыбнулась мне разумившаяся от бега Маняша, дочь кузнеца.

– Добрый день, – вежливо козырнул я. Хотя в принципе сегодня виделись... два раза!

– Ну день-то не так уж и добрый... – виновато призналась она.

– Митька, – в одно касание угадал я.

Девушка кивнула.

– Уже быют?

– Покуда нет, но будут! А вы откуда знаете?

– А мы с ним работаем не первый день, опыт есть.

Пришлось встать, поправить фуражку и выдвигаться в указанном направлении. В дверь избы я даже не постучал, какой смысл беспокоить бабку, если она там... до сих пор... так занята, да! Сам разберусь, короче...

Как я уже упоминал, выделенный нам дом находился за околицей, то есть на отшибе, классическая моя хата с краю. Пока топали в деревню, девушка шумно обрисовывала мне обстановку.

Собственно, ничего такого уж выходящего за грани наш младший сотрудник себе не позволил (в городе он выкидывал штучки и похлеще!), а погорел на одной-единственной фразе: «А с чегой-то у вас, маманя, соль ядовитая?» Дальше объяснять надо? Хорошо, объясняю – далее всё шло по вполне предсказуемому сюжету мексиканских мелодрам...

Маманя – в обморок, пять соседок за столом (а Митя без публики не может) в крик, хоть святых выноси! Подросли мужики, его стыдить начали, ну он им в лоб по всем правилам честного психоанализа на тему «тёмен разум деревенский, раз Монтеня не читал». Народ логично счёл фамилию знаменитого философа новым матерным словом и обиделся. А тут и Марфа Петровна очнулись, рукавчики засучили, слёзыньки вытерли, ну и... Рука у неё, известное дело, тяжёлая... Да ведь и помогали всем миром.

– Что, одним воспитательным подзатыльником не ограничились? Непременно линчевать надо было работника милиции?!

Мой возмущённый вопрос остался без ответа, ибо к этому моменту мы уже вырулили на место преступления (казни, экзекуции, мапет-шоу – нужное подчеркнуть). Итак, традиционная деревенская изба, большая и кособокая, хлипкий плетень, крыша набекрень, счастливые собаки и толпа местных жителей, громко обсуждающая произошедшее. Причём почему-то сгрудившись в стороне, у старенького, почерневшего колодезного сруба...

– Да уж, сгубили парнишку во цвете лет! Во красе да молодости, во соку да свежести, на пике карьеры служебной, в родимом доме, в краю отчем! Не за дело грешное, не за слово бранное, не за вину тяжкую, а так... Хотя, по совести, давно б следовало!

– Ой, а меня сестрица за водой послали! А ведро два раза не долетат, потому как они там головой сидят... Но ить ежели всё ж там зачерпнуть, то щи, поди, куда как наваристей будут. Правда, дяденьки?

– Марфа-то отошла уже? Да не в мир иной, дуры, а сердцем родительским... Это ж надо было такую непроизносимую ласку в кулаке иметь! Митькин батька, помнится, и не пикнул, когда она его на сеновале завалила. Поп ещё опосля ругался, что, дескать, жених больно помятый и стонет так, словно сказать чего хочет... Вот и сынок пошёл по стопам отцовым, прими господь утопленника... Пузыри-то видны ещё?

– А у нас коза родила! Причём двойню, один рыженький с пятнышком, а другой чёрненький, и ножки у него ровно в чулочках белых. Хорошенькие-э, так бы и расцеловала обоих! Хотя при чём энтó в данной ситуации?

– Граждане, попрошу!

Я решительно ввинтился в возбуждённый бомонд, потому что подобное развитие сюжета было не в интересах отделения. Верните мне младшего сотрудника или... Я остро ощутил нехватку надёжного плеча Фомы Еремеева с верными стрельцами, парни славились умением без лишней грубости наводить порядок. А вот деревня пока милицию не уважала, и, пробиваясь непосредственно к колодцу, мне пришлось изрядно поработать локтями.

– Невежливый человек сыскной воевода, – то и дело сдержанно ворчал кто-то. – К простому народу без уважения...

Уважай их, как же... Ни один гегемон дорогу не уступил, а ведь то, что я по делу, видели все! Ладно, разберёмся...

– Митя-а!

– Тута весь, – с облегчением донеслось из колодца. Я едва ли не по пояс свесился над срубом:

– Ты там не утонул ещё?

– Никак нет, Никита Иванович!

– Сейчас уто... – вообще-то я хотел сказать «уточню, где верёвка и прикажу тебя вытащить», но в этот момент чьи-то заботливые руки нежно подтолкнули меня в спину. Нарочно ли, случайно – без понятия...

Когда я, чудом сгруппировавшись в полёте, приземлился верхом на Митькину шею, он только недоуменно булькнул:

– За что?

– Ты издеваешься, да?

– Нешто я совсем без мозгов, чтобы ещё и издеваться в моём-то положении, – рассудительно признал наш увалень, усаживая меня поудобней. – Раз уж самолично решили утопить, так на то и ваша начальственная воля. А напоследок я скажу...

Штаны мои промокли безвозвратно, ботинки грозили соскользнуть и не вернуться. Где-то наверху заходилась народ, ругались мужики и надрывно голосили бабы. Митяй, по плечи в холоднущей воде, выстраивал очередную отвлечённо-философскую теорию, а мою дурную голову никак не хотела покидать мысль, что днём из колодца видны звёзды. Кстати, чушь! Не видны, я присматривался. Возможно, потому что уже вечер... Или всё-таки видны, но самую чуточку?

– Участковы-ый...

Я отреагировал не сразу, поскольку, как только что было сказано, задумался о вечном. А мой напарник резко вжался спиной в склизкую стену – неужели так страшно? Обычная русалка...

– Здравствуйте, Дина. Я правильно вас запомнил?

– Всё верно, участковый. – Из колодезной воды, почти нос к носу с побледневшим Митькой, появилась чудная русалочья головка с мокрыми зелёными волосами.

– Знаете, а мне всегда казалось, что русалки живут в море, реке или озере. Что привело вас в колодец?

– А вас, люди милицейские?

– Нас? – чуть стушевался я. – Мм, это длинная история, но если вкратце, то мы здесь мокнем по делам следствия. Ваша подружка сегодня утром уже пыталась предупредить меня насчёт грядущего вселенского ужаса. Вы не в курсе, если поподробнее?

– «Земля не родит, безвинные погибнут...», да? – легко пародируя нежную Уну, продемонстрировала русалка, картинно заламывая руки. – Знаю уж, она у нас натура впечатлительная, без патетики никуда. Я тебе по-простому скажу – Зло пробуждается! Людишки глупые в земле недоброй не по-хорошему рыться начали! Сама... своей персоной... грядёт!

– Дина, – взмолился я, – вы друг дружки стоите, а ещё поконкретнее нельзя? Кто эта «сама», куда грядёт, какие люди, зачем роют? Я уж не спрашиваю, при чём здесь милиция, мы вечно крайние...

Вместо ответа она молча протянула мне руку и положила на мою ладонь маленькую речную жемчужинку. Это уже вторая...

– Тогда хотя бы скажите... – Договорить я не успел. Именно в этот, традиционно неподходящий, момент сверху бухнулось тяжёлое деревянное ведро, приложив меня по маковке так, что в глазах потемнело...

– Никитушка! Митенька! А ну вылазьте сей же час из колодца, опера подмоченные, – раздался из зенита скрипучий голос Бабы-Яги.

Русалка исчезла, даже не булькнув на прощанье. Я выбирался первым...

* * *

Народу вокруг... никого! Даже часто встречающаяся Маняша предпочла раствориться, не попрощавшись. Дворовые собаки, любопытные кошки, вездесущие воробьи – все попрятались кто куда... Интересно, что же такого наша бабушка им сообщила?

– Ну погорячилась я, старая... С кем не бывает! – чисто по-девичьи потупилась Яга. – Слово я им сказала тайное, деревенское, городским ушам непонятное... Вот и убёгли все.

– М-меня н-научите? – чуть прилацывая зубами, попросил я.

А водица-то и впрямь студёная не по-летнему...

– Давай-ка ты в баньку, участковый, – мягко игнорируя мой вопрос, определила бабка. – Митенька, укажи Никите Ивановичу дом кузнечий, я Манечку-то сразу отправила, поди, затопила уже... И неча на меня из подбровья так глядеть, сама знаю, что на людях колдовать устав службный не позволяет. Но ить не буду же я молча смотреть, когда мне, почитай, всю опергруппу в колодце, ровно котят, мочут...

Тоже не поспоришь. «Спасибо, бабуля», – переглянувшись, поклонились мы. Митька до земли, я так... как умею. Объяснялись уже в единственной деревенской бане. По вполне логичному стечению обстоятельств она находилась у дома кузнеца. То есть там и огонь постоянный, и кузнец вечно грязный ходит. Вот вся деревня к нему мыться и бегаёт, в целях личной экономии...

– А я, знаете ли, полюбопытствовать хочу, русалка эта, Дина которая, она кем вам приходится? – вопрошал наш младший сотрудник, окатывая меня полной лоханью после второго веничного битья.

Я игнорировал как вопрос, так и содержащийся в нём намёк, ибо прекрасно понимал, куда он клонит. Но Митька не отступал:

– Потому как русалки общеизвестно рыбьим хвостом заканчиваются. То есть как ни верти, а в некотором смысле проблема!

– Мить...

– А что я? Мне оно без надобности, вы – начальство, вам видней – чё куда, зачем и как...

– Понравилась, значит? – Всё равно отмолчаться не получится, достанет...

– Есть такой интерес, – скромно согласился он, кажется намереваясь намыливать мою спину по третьему разу. – Я ить отметил ненавязчиво, что до поясу гражданочка водяная, окромя бус, и не прикрыта ничем. С одной стороны, сплошная экзальтация да вызов обществу, но с другой... до чего ж приятственный вызов!

– Шестой размер, – где-то как-то примерно прикинул я. – Мить, тебе к ней нельзя, она замужем.

– За водяным, что ль? Да тьфу на него! У него таких русалок небось пруд пруди, рази ж старого хрыча одного на всех хватит...

Я невольно кинул взгляд на бадью с холодной водой, ожидая, что оттуда, как в сказках Роу, вытянется укоряющий перст водяного, но, по счастью, ничего такого не произошло. Возможно, банник не позволил, это всё-таки его территория, а местная нечисть разделение сфер влияния блюдёт чётко.

– Ладно, при случае познакомлю.

– Вот спасибо!

– А у тебя серьёзные намерения или так, на уху?

– У меня с научной целью, – важно подчеркнул наш умник и с воодушевлением взялся за веник.

На этом наш познавательный диалог обрывается, потому что все мои мысли сводятся к одному – как выжить? Собственно, у всех, попавших в бане под Митькину массивную руку, мысли одинаковые... Но, видимо, у моего напарника тоже не всё было спокойно на душе, поэтому хлестал он довольно умеренно, я даже чуть не задремал от расслабления. Бывает такое вот промежуточное состояние: и сон, и не сон...

Смеющиеся глаза Олёны; тревожно изогнутые бледно-розовые губы Дины; уже две одинаковые жемчужины, покоящиеся в нагрудном кармане кителя; носатый домовый, почему-то жарящий шашлык прямо в печке, да еще из самых крупных пауков; Баба-Яга, наверняка выстроившая свою собственную стройную версию всех странностей и непоняток, но нас в курс дела так и не...

– А-а-ау!

– А я кипятчком вас слегка, Никита Иванович, – нимало не каясь, пояснил Митяй. – Вот уж теперича вы такой чистый, что и людям показаться не стыдно. Свежий, пышущий, розовый (тьфу на вас!) – прям загляденье!

– Не надо на меня так заглядываться...

– Не без понятия, греков читали, – совершенно не обиделся он и, крикнув, вылил себе на голову бадью ледяной воды. Экстремал, уважаю... – А вы эдак, для закаливания, народным методом не желаете? Мне не жалко, водица есть ещ... Ё-ёу!

Скрипнула входная дверь... Митька, взявшийся было за другую бадью, в оцепенении прижал её к могучей груди и сел там, где стоял. Я повернул голову и едва не свернул себе шею – прямо из предбанника, в клубы пара, на порог шагнула от подмышек до колен завёрнутая в простыню Баба-Яга! Старушка чуточку конфузилась, но крепко держала в сухоньких руках запотевшую бутыл местного самогона...

– Ну что, сотруднички? – Бабка окинула нас торжествующим взглядом. – Стало быть, девок я не звала, как и договорено было, своим коллективом поплещемся, так, что ли?

Мы, не сговариваясь, с визгом ломанулись из бани вон. Вслед доносился ехидный смех нашей эксперт-криминалистки...

В предбанничке нас ожидало чистое бельё и моя, частично высушенная, форма. Одевались быстро, стараясь лишний раз не глядеть друг на друга. Митька успел первым и удрал на двор, выравнивать дыхание. Я пришёл в себя быстрее, хотя шок, конечно, был, поэтому одевался неторопливо...

К тому же, мать моя юриспруденция, а брюки-то по-прежнему влажные! Домового нет, сушить и гладить некому, а не надеть нельзя. Хорош я за общим столом буду – в кителе, рубашке с галстуком... и свежих белых подштанниках, аккуратно заправленных в начищенные форменные ботинки!

– Пойдёмте в избу, что ли? Маняшин батюшка звал чаю пить, – донёсся Митькин бас со двора. Нервничает... Я тоже. Так, кстати, и пошёл в мокрых штанах...

Изба у кузнеца была большая, ухоженная, но небогатая. Как оказалось, сам хозяин, Игнат Андреич, был человеком вдовым, работающим, но пьющим. Прикладывался к сорокаградусной каждый вечер, пил на свои, в долги не лез, характер имел флегматичный и мягкий. Оно и к лучшему, когда я его в первый раз увидел – мне присесть захотелось. Вспомните Митьку... Так вот, кузнец был на голову выше и точно такой же ширины в плечах. Ей-богу, не вру – практически равнобедренный треугольник с кудлатой бородой и добрейшими глазами. Причём ни капли жира! Рельеф, как у Рона Колемана в соревновательный период. Я невольно закомплексовал, когда Игнат Андреич осторожно поздоровался со мной за руку и, извинившись, ушёл спать в сени. Его румяная дочь усадила нас и развлекала разговорами до подхода Яги, тогда уж поставила на стол самовар и начала напавать нашу опергруппу чаем...

– А что, девонька, – после третьей чашки неспешно начала бабуля, – не заметила ли ты, часом, как участковый в колодезь упал?

– Да поскользнулся же! – устало отмахнулся я, но бабка была неумолима:

– Про то ты мне, старой, бурлацкие песни не пой, я те сама десять причин навскидку подберу, зачем сыскной воевода по своей воле топиться полез. Считай, давай: от жары искупнуться; друга вытащить; водицы студёной испить; с напарником с носу на нос пообщаться; брёвна изнутри посчитать; правда ли, что звёзды видны, выяснить...

– Ладно, сдаюсь! – При упоминании о звёздах мне стало стыдно, и как она догадалась?

– Так что скажешь, девонька?

Маняша пожала плечами, сдвинула бровки домиком и призадумалась. Что, кстати, является признаком поведения человека честного и ответственного...

– Сама не видала, в другую сторону меня бабы отвлекли. Но краем глаза заметила – подле Никиты Ивановича наши парни стояли, Прошка да Ерошка. Олухи отменные...

– Энтих хорошо помним, так не они ли участкового на ныряние определили?

– Не знаю, а зря наговаривать не стану, – твёрдо ответила кузнецова дочь. – Но...

– Но? – ухватила Яга, и мы с Митькой вытянули шеи.

– Вот будто был там ещё кто... чёрный... не помню его, и наш и... не наш, – успешно запуталась девушка и, досадуя на саму себя, бросилась по второму разу греть самовар.

Опытнейшая эксперт-криминалистка развела руками и, автоматически отстукивая «Во поле берёзонька стояла» жёлтым ногтем по столу, ушла в глубокие размышления. Лезть к ней в такой момент с вопросами – просто нарываться на грубость почём зря. Мы оба это прекрасно понимали...

– Маняша, – я деликатно поманил пальцем девушку, – один вопрос, личного характера, если позволите...

– Ох, да отчего же нет, я не замужем! – абсолютно невпопад ответила она, заливаясь краской, как самая невинная из всех сельских невест. Митяй почему-то помрачнел.

– Я только хотел уточнить...

– Батюшка за меня рад будет, да только...

– Нет, вы не поняли. – Теперь уже я чувствовал себя полным идиотом, а Митька веселился вовсю.

– Не обессудьте, – девушка взглянула на меня с искренней жалостью, – только мне другой по сердцу. Уж простите, если чем обидела...

– Спасибо за откровенность. Учту. – Спорить было бессмысленно, лучше соглашаться. – Не подскажете, что там наша заслуженная сотрудница вашим землякам сообщила? Какое-то тайное деревенское слово?

Кузнецова дочь мгновенно сменила красный цвет лица на бледный, испуганно зажала рот обеими руками и, боясь даже бросить взгляд на Ягу, ринулась вон из горницы. Сурово... Надо во что бы то ни стало вытащить из бабки эту волшебную формулу и пользоваться направо-налево! А то взяли моду – частушки орать... Причём ведь политические, если про милицию!

– Ночь за окном... пора бы и честь знать, Никитушка.

– Вы правы. Собираемся, нам ещё до дома топать и топать.

– А может, я где телегой разживусь? – изобразил служебное рвение доброй души младший сотрудник. – Что ж бабуленьке по вечерней росе костяную ногу студить? Ей ить и без радикулиту, считай, недолго осталось... Пушай хоть в телеге, в сене душистом, молодость шаловливую вспомнит, а?

...Шли пешком. Полдороги уязвлённый в самую душу Митяй, забегаая вперёд, объяснял Яге, что ничего двусмысленного он в виду не имел, а ежели у кого какие фантазии, так тут уж... Бабка была непримирима! И, несмотря на явный риск вновь быть превращённым в бобика, наш умник всё равно ночевать под родимый кров, к маменьке, не пошёл. Хотя после сегодняшнего купания в колодце чего тут странного? Марфе Петровне тоже надо в себя прийти...

А нас дома ждал сюрприз! Не угадали?

* * *

Во-первых, ворота нараспашку и на крылечке зверски раздавленные пауки... Во-вторых, внутри свет и чьё-то громкое, но жалобное сопение... Закономерно напрашивающийся вывод – у нас дома кто-то чужой и этому кому-то очень несладко. Яга остановила нас молчаливым спецназовским жестом, двумя пальцами указав Мите на оглоблю у забора, а мне велел держаться за спиной.

К дверям выходили по одному, россыпью, едва ли не кувырком с переворотом и выходом в положение «стрельба с колена»... У самого косяка эксперт-криминалистка тщательно принюхалась, присела, толкнула носком лаптя пару соломинок на пороге и презрительно фыркнула – отбой...

– Заходи первым, Митенька! Да древесину брось, сперва с маменькой собственной поздоровайся...

От удивления этот... с позволения сказать... нехороший человек... уронил оглоблю прямо мне на ногу! Пнуть его второй ногой у меня уже не получилось, а, соответственно, выражаться при пожилой женщине не позволяло воспитание. Хотя Яга бы поняла, она, как опытный опер, сама порой такое загнёт – отец Кондрат только успевает епитимьи класть! А бабуля наша столь же ровно кладёт на эти епитимьи, и в целом какая-то гармония взаимоотношений у них соблюдается.

– Участковый, а ты чего на одной ноге застыл? Давай тоже в избу прыгай...

Я, демонстративно прихрамывая, шагнул внутрь. Обрисованная в лицах сцена была достойна кадров Спилберга или кисти Босха. Посреди горницы стоит толстый кокон из паутины. На свет божий глядят только тоскливые русские глаза да не совсем умотанный кончик носа. Взад-вперёд по кокону бегают старательные паучки, а руководит ими носатый азербай-

джанский домовый. Хотя его-то как раз практически не видно, но такой носище ни за какой печкой не спрячешь...

– Маменька? – недоверчиво сощурился Митяй, осторожно ткнув кокон в предполагаемое пузо. Вразумительного ответа получено не было, но по энергонасыщенности сопения и родственным искоркам в глазах – маму он всё-таки идентифицировал. И поступил, как положено... по уставу.

– Дозвольте доложить, батюшка сыскной воевода, задержана гражданка Лобова Марфа Петровна, уроженка села Подберёзовки. Причины ареста – взлом, незаконное проникновение на чужую территорию, подозрение в воровстве, краже и готовящемся теракте. А что, от маменьки всякого ожидать можно! Вот ещё в детстве, помнится, как возьмёт хворостину да как...

– Митя, размотай.

– Ить минимум три статьи пришить можем, а?

– Размотай путы паучьи, неслух, – поддержала меня Яга, но взялась за помело и села на лавочку так, чтобы перекрыть подозреваемой единственно возможный путь бегства.

– Эх, маманя, маманя, и за что ж вы меня так перед родной опергруппой испозорили! – сквозь зубы бормотал наш добрый молодец, длинными лоскутами срывая с несчастной паутину. – То у вас соль ядовитая, то в чужой дом без приглашения впёрлись, вот и паутину нашу ещё стырить вознамерились... Думали, раз сынок в милиции, так всё с рук сойдёт? А мне потом каково товарищам боевым в глаза глядеть? Судить вас надобно за такое, мама! Ну да, Никита Иванович небось поспособствует... Штаны свои мокрые вспомнит и...

Дальнейшее развитие сюжета можно предугадать, даже не имея законченного милицейского образования. Крупногабаритная тётка взглянула на нас глазами введомой на мясобою коровы и гулко бухнулась на колени. Кому как, а мне захотелось в тот же миг цапнуть нашего младшего сотрудника за шиворот, ткнуть носом, чтоб он наконец понял, прочувствовал, осознал, каково это нам с ним каждый день лицезреть такой вот спектакль! Но бедный Митька и без того был готов провалиться сквозь землю...

Когда тяжёлая работа по распутыванию и освобождению была наконец завершена, я на всякий пожарный мягко отодвинул Митьку в сторону, прикрывая его спиной. О тяжести ручки (и лёгкости её применения) данной особы меня сегодня кто только не проинформировал. Рисковать напарником не хотелось, но последующий акт со стороны гражданки Лобовой напрочь перевернул мои представления о людях. Хотя...

– Митенька-а-а! – бухнувшись на колени перед остолбеневшим сыном, заголосила Марфа Петровна. – Прости ты меня, Христа ради, дуру старую! За печкой выросла, в темноте жила, грамоте не обучена, считаю до трёх на пальцах, мужем битая, свекровью травленная, соседями злыми насквозь избитая! Куска недоедала, ночей недосыпала, тебя, соколика, кровиночку, любовь единственную, всё-то своим молочком поила без жалости! Уж прости, не серчай, не сетуй, ибо как перед Господом, перед товарищами твоими начальственными челом бить буду – одна у меня гордость, сын-милиционер! А теперича казните, что ли...

– Маменька-а... встаньте!

– Не встану!

Мы с Бабой-Ягой только злорадно усмехнулись, когда эта особа начала демонстративно биться лбом об пол. Сразу ясно, в каком театре-студии наш трагик получал азы актёрского мастерства, правда?

– Маменька-а, прекратите! – тоскливо взвыл пристыженный Митька. – Неудобно же...

– Кому неудобно! Мне, что ль? Мне удо-обно, мне ой как удобно! Ежели б тока доски такими жёсткими не были, так показала бы всем мать милицейская, сколь велико раскаянье её женское, тяжела доля бабья, невыносима боль сердечная, а ить как щемит под ребром... как свербит да колет... вот уж и вздохнуть тяжко... и в глазах темнеет... и...

– Ничего не напоминает? – Я выразительно подмигнул опозоренному напарнику, его мама развалилась на полу, колыхаясь как раскормленная медуза, обеими руками держась за сердце и закатив глаза так, что без посторонней помощи уже обратно не выкатить...

– Поднимай её, соколики, – сухо посоветовала бабка, – да на лавку сажай, по правилам допрос вести будем. Есть у меня до ней пара вопросов за вчерашнее об потолок нарошное стуканье...

Подозреваемая горько вздохнула, самостоятельно, с завидной бодростью вскочила на ноги и, не нуждаясь ни в чьей помощи, опустилась на скрипнувшую от натуги лавку.

– Об одном тока попрошу: апосля допроса, перед казнью лютой да смертью безвременной – дозвольте одно словечко сынку единственному молвить. Одно только слово матерно...

– Материнское? – на всякий случай уточнил я.

– А где разница, что матерно, что материнское, – напрочь не понимая иронии, поджала губки Марфа Петровна.

Яга покивала задумчиво, неожиданно отвлеклась, послав воздушный поцелуй кому-то за печкой, и одним жестом выдворила Митьку в сени. Мой напарник разом осунулся, сдуплся и вышел шаркающей стариковской походкой, опустив голову примерно до пупка...

– Никитушка, сел бы ты в уголочек да планшеточку свою невзначай раскрыл. Вдруг да чего шибко интересное прозвучит, так вот и запротоколировать бы...

– Не вопрос, – легко согласился я, переходя на дальний табурет у дверей. – Только вы тоже... не слишком уж... без давления...

– Давление скачет, – невпопад пожаловалась наша эксперт-криминалист. – К непогоде, видать... А мы покуда с Марфой Петровною чаи гонять будем. Так, что ли, соседushка?

Сначала я не поверил своим ушам. Но бабуля с маманей быстренько, в четыре руки накрыли на стол и чаёвничали, задушевно треща, как две кумушки на именинах. Пару раз я порывался что-то там записать, потом дважды перечёркивал написанное, потом вообще перестал слушать этот бабский (простите, женщины!) трёп, упёрся спиной в стену и... трогательно уснул.

Проснулся часа в три ночи. С той же целью, что и в прошлый раз. Всё повторилось. В том смысле, что я снова видел убегающую фигуру в чёрном, и она напомнила мне одного типа, с которым совершенно не хотелось встречаться... Ну то есть абсолютно!

* * *

Я не попытался его задержать только от удивления. Просто стоял, как рояль в кустах, даже ущипнул себя пару раз больно, не в силах поверить собственным глазам... Его не должно было здесь быть! Где угодно, но не тут! Мало он нам в городе крови выпил, мало мы на него нервов убили, но и здесь, на отдыхе в деревне, он даже ночью не даёт нам покою...

Если кто ещё не догадался, то в лунном сиянии я чётко разглядел сухопарую фигуру дьяка думского приказу Филимона Груздева! Кличка «геморрой во плоти», профессиональное призвание – сочинительство кляуз и доносов, хобби – изводить лукошкинскую опергруппу. То есть нас. И, по совести говоря, ему это частенько удаётся... При одном упоминании имени дьяка у Яги обостряется язва, Митяй во сне скрипит зубами, а у меня веко дёргается, левое... к чему бы? А, непринципиально! Важно одно, народная примета: «Видеть дьяка Фильку – не к добру...» – срабатывала всегда.

Собственно, он ведь мне тоже специально не позировал, постоял пару минут, словно к чему-то прислушиваясь, и дал стрекача. Быстро-быстро, как призрак или тень растворился в ночной мгле. Бросаться в погоню не было ни малейшего желания, как и абсолютно никакого смысла.

Если это действительно гражданин Груздев (а я готов дать стопроцентную гарантию!), то тихая жизнь Подберёзовки скоро станет мифом... Дьяк разносит споры, скандалы и склоки с лёгкостью таракана-вредителя, и равных ему в этом деле нет. Значит, в ближайшее время сам проявится и выйдет на нас. Чего ж раньше времени дёргаться? Я пошёл досыпать...

Досыпал недолго. Деревня есть деревня, уже с первыми потугами солнышка на всю округу разорались петухи. Попробуйте представить, что лучше: один петух, но под ухом, или десяток озабоченных будильников из соседних дворов, но хором! Я автоматически накрыл голову подушкой – не помогло...

– Вставай, участковый! Не то весь завтрак проспийшь, а я уж расстаралась для тебя сегодня...

Всё, остатки сна пугливо метнулись по углам подсознания. От бабки никуда и никогда не денешься – она поднимет, поставит, умоет и всё равно накормит, как ни брыкайся... Однако, открыв глаза, я в ту же секунду зажмурил их вновь! Варианта два – либо я не дома (то есть не там, где вчера уснул), либо за ночь обшарпанная избушка превратилась в царский терем с евроремонтом (что вряд ли). После минутного размышления я всё-таки приоткрыл левый глаз и осторожно осмотрелся. Несмотря на мой скепсис, победил вариант номер два...

– А уж это Назимушка наш расстарался, – с гордостью вскинула бородавчатый подбородок разнаряженная Яга.

Надо признать, ей было чем гордиться. Домового бабка себе оторвала – пальчики оближешь! Один – круче, чем бригада молдавских строителей!

Потолок сиял белизной, окна вымыты, на подоконниках герань, на полу вязанные крючком коврики, стол накрыт чистой скатертью, а печка не только побелена, так ещё и расписана вручную азербайджанскими народными узорами...

– По идее, тогда уж на завтрак у нас должна быть долма и мацони, – чуть удивился я, когда, одетый, умытый и причёсанный, наконец взял в руки ложку.

Бабка поставила передо мной тарелку обычной гречневой каши с грибами. Из-за печки на мгновение высунулся характерный нос заботливого домового, похоже, дяденька сделал себе пометку насчёт меню.

– Где остальные? У нас вчера вроде куча народу по горнице толкалась...

– Так Митеньку с маманей евонной я ещё в ночь из дому выпроводила. Пушай хоть разок под кровом отеческим переночует, родительнице своей радость доставит. Ты бы поговорил с ним, Никитушка...

– О чём?

– Дык, – чуть замялась Яга, – стыдится он её. Пообтесался, вишь, в городе, при отделении служит, хоть и младшим, да опером. Заявления пишет, книжки философские читать сподобился, платком пользуется, умом и культурой прирастает на глазах... А она что? Баба деревенская, простая, неграмотная, шумна да на затрешины скорая, ему и неудобно перед нами...

– Возрастная разница социальных положений, – понимающе кивнул я. – Да, обратно в сельскую жизнь его уже и на бульдозере не затащишь...

– А маменьку он всё одно любит! И она в ём души не чаёт... хоть и в колодце топила собственноручно. Поговори, Никитушка...

Я кивнул. Почему нет? Должность штатного психолога у нас в отделении всё равно вакантна, так что либо я, либо кот Василий. Кот с нами не поехал, остаюсь я...

– И вот ещё, соколик, ты со мной ничем таким поделиться не хочешь? – неожиданно хриплым от смущения голосом протянула наша эксперт-криминалистка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.